

16+

Владимир Волкович
ПОЛИТРУК

Владимир Волкович

Политрук

«Э.РА»

2018

УДК 821

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Волкович В.

Политрук / В. Волкович — «Э.РА», 2018

ISBN 978-5-907291-12-6

Он должен был погибнуть. По всем военным ситуациям, по опыту суровой и жестокой действительности у него не было шансов выжить. Десятки раз он шёл в атаку впереди своих солдат на пулемёты. Он принял командование ротой, когда в строю осталось шестнадцать бойцов, и вновь повёл их в атаку, чтобы выполнить боевую задачу. Смерть стояла у изголовья, когда сутки пролежал без сознания на нейтральной полосе, осколок пробил лёгкие, прошёл под сердцем и остановился в нескольких миллиметрах от сонной артерии. Обширная газовая гангрена не оставляла шансов. Но он выжил, один из немногих в дивизии, прошедший с нею от формирования до Берлина три с половиной года на передовой. За это время в ней трижды сменился состав. Пять ранений, из них три тяжёлых, и после каждого он вновь возвращался в свою часть. Семнадцатилетним мальчишкой уйдя на фронт после десятого класса, в конце войны он был уже капитаном, помощником начальника политотдела 171-й стрелковой дивизии, поднимая бойцов в свою последнюю атаку на рейхстаг... Именно в этот момент осколок снаряда ударил ему в грудь, туда, где сердце.

УДК 821

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907291-12-6

© Волкович В., 2018

© Э.РА, 2018

Содержание

От автора	8
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	19
Глава третья	21
Глава четвёртая	24
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Волкович
Политрук
Исторический роман

© Волкович В., 2018

© Издатель ИП Бабина, 2020

Моему старшему брату Илье, связавшему свою жизнь с армией и флотом, ПОСВЯЩАЕТСЯ

Илья. Зееловские высоты под Берлином. Март 1945 г.

От автора

Это рассказ о поколении, которого уже нет с нами, которое приняло на себя кровавый удар жестокой войны. Это правдивое повествование о политработнике на войне. Многие годы негативных явлений в политической жизни страны выработали скептическое, насмешливое и даже презрительное отношение к политработникам. Их считали обузой для командиров частей и подразделений, нагрузкой, которую приходилось терпеть. Но это не соответствовало действительности. Большинство политруков героически погибли, личным примером увлекая бойцов в атаку.

За туманной дымкой десятилетий покрывается забвением их подвиг. В литературе почти нет упоминаний о политработниках, это считается сегодня чем-то устаревшим, не соответствующим времени. А о тех политруках, кто лично испытал, что значит брать высоту и умирать на её склонах, кто выжил на передовой, пройдя через тяжелейшие испытания, не написано почти ничего.

Для пехотинцев, танкистов, лётчиков, расчётов противотанковых орудий вероятность погибнуть была примерно три к одному. Дожили до Победы, в основном, либо те, кому «повезло» быстро получить тяжёлое ранение, либо призванные «под занавес». Отвоевавшие на передовой «от звонка до звонка» являются счастливым исключением.

Автор считает своим долгом рассказать правду, которая ему известна доподлинно. Всё описанное в книге – это реальные исторические события, имена участников которых зачастую оставались лишь в наградных и похоронных листах. Некоторые сведения, не отражённые в боевых сводках, удалось почерпнуть из записных книжек главного героя, которые он вёл, несмотря на строгий запрет, из того, что рассказал лично и что написал сам.

Эти люди не были из железа, они так же, как и все, влюблялись и страдали, сомневались и отчаивались, боялись и преодолевали страх. Но им была свойственна высокая ответственность за порученное дело, осознавалась невозможность переложить её на других, спрятаться за чужой спиной.

Эта книга фактически написана её героем, автор лишь изложил то, что узнал из первых рук.

Часть первая Дорогами войны

*Я говорил от имени России,
Ее уполномочен правотой,
Чтоб излагать с достойной прямою
Ее приказов формулы простые;
Я был политработником. Три года:
Сорок второй и два еще потом,
Политработа-трудная работа.
Работали ее таким путем:
Стою перед шеренгами неплотными,
Рассеянными час назад в бою,
Перед голодными, перед холодными.
Голодный и холодный. Так!
Стою.
Им хлеб не выдан, им патрон недодано,
Который день поспать им не дают.
И я напоминаю им про Родину.
Молчат. Поют. И в новый бой идут.*

Борис Слуцкий

Глава первая Арест и боевое крещение

*Не отпускай ни крик, ни стих,
Ни миг, что нам ещё остался,
Ни это утро на двоих,
Ни звуки старого романса.
Не отпускай. Вцепись зубами,
За всё, что не случилось с нами,
За всё, что будет суждено,
Испить, как горькое вино...*

(Инна Костяковская)

*Утомлённое солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви ¹...*

¹ «Утомлённое солнце» – песня, вошедшая в золотой фонд российской эстрады в 30-х годах. Слова Иосифа Альвэка (Пинхус-Иосиф Соломонович Израилевич), музыка Ежи Петербургского.

Чёрная пластинка с красным кружком посередине вращалась на заведённом патефоне, и в такт мелодии пара медленно кружилась по едва освещённой танцплощадке. Его звали Илья, её Лиля. Родные и друзья называли его Лёлей, Лёликом, и их имена такие близкие по звучанию, когда произносились вместе, сливались в единый, журчащий звук. Как и их сердца.

Им было по семнадцать. Они праздновали окончание школы. Тёплая, летняя ночь притихшего города окутывала их таинственной дымкой, и только когда они вступали в круг света, видно было, что они ещё здесь, и продолжают своё нескончаемое кружение, не в силах оторваться друг от друга.

– Мы с тобой никогда, никогда не расстанемся, правда?

– Правда.

– А когда мы поженимся?

– В этом году, когда мне и тебе исполнится 18.

– Так долго ждать, я уже больше не могу.

– И я не могу, но потерпи милый.

Он наклонился к ней, коснулся губами её уха под щекочущими волосами и дотянулся до губ. Они прекратили кружение, губы их слились, весёлая компания одноклассников целомудренно отвернулась, встала в кружок и слушала, какого-то разговорчивого рассказчика. Конечно, все уже знали, что Лилия – лучшая ученица школы выпуска сорок первого года и самый красивый парень, лучший школьный спортсмен – Илья, любят друг друга, и это было в порядке вещей.

Они целовались до иступления, всё более страстно, обнимая, льнувшие друг к другу тела. Руки Ильи дрожали, кровь стучала в висках. Его рука скользнула вдоль гибкого девичьего тела.

– Лилечка, Лилечка, хорошая моя, – шептал Илья пересохшими губами.

– Я не могу сегодня, любимый.

– А... когда... – Илья едва сдерживался.

– Завтра.

Лилия отодвинулась, давая ему возможность успокоиться.

Потом они гуляли по притихшему Витебску до той поры, пока первый, зелёный луч солнца не вырвался из-за горизонта, и небо не окрасилось кармином.

А завтра была война.

Она разделила их жизнь на «до» и «после». Заводы спешно эвакуировались, город бомбили, фронт стремительно приближался.

Илья помчался в военкомат, он уже видел себя идущим в атаку на врага. А после победоносного боя ему торжественно вручают медаль «За отвагу», на которой изображены в цветной эмали самолёт и танк. И Лилия восхищённо любит его.

– Парень, что ты здесь ищешь? – Немолодой мужчина, приколавивший доску к ящику с какими-то папками, обратил внимание на крутившегося во дворе мальчишку.

– Я... это, хочу записаться добровольцем на фронт.

Мужчина смерил пацана насмешливым взглядом:

– Считай, что ты уже на фронте, слышишь канонада бухает, не ровён час немцы прорут. Давай бегом к мамке, скажи, что надо быстрее эвакуироваться.

Илья со злостью посмотрел на говорившего:

– Я пришёл на фронт записаться, я уже не маленький, – и добавил тихо, – а мамки нет у меня, померла.

– Да ты не обижайся, парень, – мужик обернулся в сторону въезжающей во двор машины, – видишь, нет уже никого, я сейчас последнее догружу и уезжаем.

Только сейчас Илья обратил внимание на то, что все двери распахнуты, а в здании военкомата – пусто.

– Лилька, Лилька, – кричал Илья, тарабани кулаками в запертую дверь её квартиры, – Лилька, открывай, это я!

Но молчание было ответом ему. Лиля уже уехала, не попрощавшись, да и где ей было найти своего Лёлика в такой суматохе. Мать торопила:

– Скорей, скорей, не успеем уехать, погибнем.

Дверь заперли на все запоры, собираясь вскоре вернуться, но пожить в этой квартире Лиле уже не доведётся никогда.

Вдоль унылой стены длинного коридора, выкрашенной грязно-синей краской выстроилась очередь молодых людей, желающих встать на учёт.

Райком комсомола большого промышленного волжского города работал в эти месяцы с перегрузкой, огромная масса эвакуированных атаковала его.

– Можно? – Илья приоткрыл заветную дверь с табличкой «Орготдел».

– Заходи, заходи, – усталый человек, по виду немногим старше Ильи, откинулся на спинку стула, – откуда эвакуировался?

– Из Белоруссии.

– Эх, никогда там не был, не довелось, ну какие наши годы, ещё поеду.

– Немец там сейчас, – хмуро ответил ему Илья.

– Сегодня немец, а завтра всё возвернём, не сомневайся.

– Я и не сомневаюсь, потому и пришёл. Там у вас внизу, на доске объявление висит, что желающие могут подавать заявления в училище. Так я желаю.

– Сколько тебе лет, восемнадцать есть?

– Есть, – после некоторой заминки ответил Илья, и тихо добавил, – почти...

Заворготделом внимательно посмотрел на рослого, уверенного в себе паренька и заключил:

– Ну, тогда пиши заявление добровольцем, мы включим тебя в разрядку.

– Рота, подъём, выходи строиться, – зычный голос старшины подбросил курсанта военно-политического училища Илью Рябова, уютно устроившегося на дощатых нарах. Так не хотелось выбегать на мороз из казармы, прогретой за ночь «буржуйкой». Но надо – это слово будет преследовать Илью всю войну, да и всю его последующую жизнь.

– Вставай, – тряс он за плечо соседа по нарам Павку Фоменкова, – так и всю войну проспишь, засоня!

– Что, где война? – вскакивал Пашка, трясая взлохмаченной шевелюрой, и осоловело, оглядываясь вокруг.

– Сейчас старшина тебе войну устроит, у него это хорошо, получается, насмеялся Илья, зная неукротимый характер ротного старшины.

С Павлухой Фоменковым Илья сдружился сразу, уж больно подходили они друг другу. До войны Пашка успел окончить педучилище и поработать в школе, он очень любил детей.

– Вот закончится война, мы с моей Настюхой столько детей настрогаем. Знаешь, как здорово, когда в доме много детей. Я, вот один у матери, отца и не помню, с басмачами он воевал и погиб где-то в степях туркменских. А мать ему верность уже двадцать лет хранит, так откуда ж дети возьмутся? – наклонившись к уху Ильи, Павел доверял ему тайну: – У меня с Настей ничего не было ещё, не хотел её до свадьбы обижать, может и не отказала бы, да самому неловко, люблю её очень. И она меня. А у тебя с Лилькой? – в свою очередь спрашивал он Илью.

– И у меня ничего ещё не было, не успел, война, проклятая, помешала. И где она теперь, не знаю, и когда придётся свидеться? Через несколько дней на фронт, – менял Илья такую

волнующую и печальную тему, – дивизия сформирована. Теперь каждый день можно ожидать погрузки.

Через две недели дивизия погрузилась в несколько эшелонов и двинулась на Северо-Западный фронт.

Вновь и вновь оглядывая землянку с грубо сколоченным из тёса топчаном и щелястой дверью, Илья мучительно размышлял о том, как всё это случилось, что вместо героических картинок, с детства заложенных в его пионерскую голову, сидит сейчас на гауптвахте, ожидая трибунала.

Уже в сумерках к его ногам упал сложенный треугольником листок бумаги. Торопливо развернув его, Илья узнал почерк Павлухи Фоменкова. Совсем недавно их назначили заместителями командиров рот по политчасти. Попали они в разные батальоны.

Павел сразу ушёл на передовую, а у Ильи обстоятельства сложились иначе, кончались уже вторые сутки, как он находится под арестом.

Он поднёс записку к щели в двери, сквозь которую пробивался слабый свет и прочитал:

«Не дрейфь, Илюха, и не переживай так, в жизни всякое случается. Я знаю, что ты не виноват, но сейчас вокруг такая неразбериха... Советую тебе написать рапорт командиру полка, чтобы предоставил тебе возможность кровью искупить свою вину. Это всё же лучше, чем трибунал».

Илья оторвал от Павлухиного письма чистый кусочек и огрызком карандаша написал рапорт, в котором просил то, что предложил Павел. Странно, но после этого ему стало легче, исчезла гнетущая тяжесть на душе. Он лёг на жёсткий топчан, и в который раз представил себе всю картину происшедшего.

Илью назначили заместителем командира во вновь созданную полковую снайперскую команду. Он отлично стрелял и имел знак «Ворошиловский стрелок». Но побыть среди снайперов ему не пришлось. Дивизия готовилась к наступлению и в штаб полка привезли несколько ящиков с картами. Вечером состоялось совещание командиров подразделений с разбором предстоящих действий по карте. Все начали смотреть и разбирать карты и вскоре они были перепутаны.

Командир полка капитан Коцюбинский в последние дни был зол и нетерпим.

– Немедленно прекратить это безобразие, где картограф? – обратился он к начальнику штаба.

– У нас нет его, товарищ капитан, убыл по ранению.

– Так назначьте временно кого-нибудь, чёрт побери. Подберите, в конце концов, грамотного и толкового человека из вновь прибывших.

– Предлагаю младшего политрука Рябова, – тут же откликнулся замполит полка, – я сегодня просматривал анкеты новеньких и обратил на него внимание. Отличник по всем показателям. Он назначен в снайперскую команду, но пока не пришлют штатного картографа, сможет исполнять его обязанности. Кстати, в его анкете отмечено, что он хорошо владеет немецким, а у нас переводчика ранило, «языков» допрашивать некому.

– О, это кстати, – заметил помощник начальника штаба по разведке старший лейтенант Галич.

Немудрёные обязанности картографа Илья освоил быстро. Нужно было подбирать карты района боевых действий подразделений и передавать их командирам. На ночь Илья печатывал ящики и сдавал их под охрану часовому. Однажды начальник штаба приказал срочно доставить карты в один из батальонов. Когда Илья возвратился, штаба на месте не оказалось.

Его передислоцировали поближе к передовой. Илья с трудом нашёл тщательно замаскированные землянки штаба, но о картах никто и ничего не знал. Чувствуя недоброе, Илья

бросился разыскивать начальника штаба, который дал ему задание доставить карты, но того вызвали в штаб дивизии.

Уже за полночь Илья набрёл на взвод охраны, расположившийся на ночёвку в траншее, прилёг рядом с уже спавшими солдатами и попытался заснуть, но сна не было. Одолевали тяжёлые мысли, мёрзла спина, шинель не грела.

– Не спишь? – раздался простуженный голос соседа.

– Да, не спится, случай такой неожиданный со мной приключился. Илья рассказал о пропаже карт.

– Знаешь, – сказал сосед, выслушав рассказ, – сегодня артралётом накрыло наши повозки, дружка моего на кусочки разнесло. От ящиков ничего не осталось. Может, и твои карты там были, иначе, куда бы они могли запропасться.

– Да? Илья оживился, – тогда мне нечего опасаться.

Сосед покачал головой:

– Ты смотри, парень, как бы крайним в этом деле не оказаться.

– Да я-то здесь причём?

– Ты не причём, только начальству, сейчас разбираться с этим делом некогда, вот-вот бои начнутся.

Сосед повернулся на другой бок и скоро тяжело, с присвистом, задышал.

Утром Илью вызвали к командиру полка. Капитан Коцюбинский сидел на ящике из-под снарядов и пил чай из алюминиевой кружки. Рассказывали, что он отчаянно смел в бою, во время финской получил звезду Героя. В батальонах появлялся всегда на резвом сером скакуне с неизменной нагайкой в руке. Горячий, нетерпеливый, строгий, он требовал быстрого и неукоснительного выполнения приказов. За малейшую оплошность мог «рубануть с плеча» – наказать на полную катушку.

Илья доложил о прибытии, капитан Коцюбинский смотрел на него пронзительными, немигающими глазами.

– Где карты? – спросил он тихим, доверительным голосом, но от этого его фраза прозвучала ещё более зловеще. Илья начал было объяснять, но капитан прервал его:

– Ты понимаешь, что это такое, на носу наступление, а полк остался без карт. Да это же диверсия.

– Я не виноват, – пытался защититься Илья, но Коцюбинский не дал ему договорить.

– Он ещё оправдывается, что за людей прислали, чёрт знает, с кем приходится воевать, – командир полка выдержал паузу и закончил: – за преступную халатность пойдёшь под трибунал. Всё. Эй, кто там из охраны! Увести! – приказал он появившемуся солдату.

Утро третьего дня, действительно, оказалось мудренее вечера, часов в десять Илью выпустили. Командир полка приказал ему немедленно прибыть в третий батальон, который накануне вёл тяжёлый бой. В батальоне были большие потери личного состава, и почти не осталось офицеров. Илья получил назначение – заместителем командира роты.

Уже значительно позже Илья узнал, что его арест совпал с началом ликвидации группировки противника в районе Демянска. Это была первая операция дивизии после реформирования. В тяжёлых боях лета сорок первого года дивизия была разбита и потеряла знамя. После этого она была расформирована и вновь формировалась на Урале.

Весной сорок второго года в этом районе сложилась необычная конфигурация фронта. Противник на небольшом по ширине участке глубоко вклинился в нашу оборону. В результате этого образовался южнее озера Ильмень мешок с горловиной у города Старая Русса. Немцы отчаянно сопротивлялись, не желая расставаться с удобным плацдармом для выхода к железнодорожной станции Боровое. Полк задачу не выполнил и с потерями отошёл на прежние позиции.

Девятая рота, куда направили Илью из штаба батальона, готовилась к очередной атаке. Старшина и красноармеец, с которыми Илья добирался до траншей, несли термосы с кашей и водку, но их появление, похоже, никого не обрадовало. Бойцы группами сидели в траншее, молчаливые и задумчивые, смолили махорку, изредка перебрасываясь короткими фразами.

– Где ротный? – обратился старшина к немолодому красноармейцу, стоящему у станкового пулемёта.

Тот повернул усталое озабоченное лицо, кивнул куда-то в сторону: – Там, – и снова стал рассматривать виднеющуюся вдали высоту.

– Побудь пока здесь, – предложил Илье старшина, – вернётся старший лейтенант Редколес, он тебя устроит.

Илья подошёл к пулемётчику, поздоровался.

– Пуляевский, – назвал тот себя, – Григорий Терентьевич.

– А я Илья. Илья Рябов. А откуда вы, Григорий Терентьевич?

– Я из сибирской глухомани, из маленькой деревеньки Иркутской области. А ты откуда?

– Я из Белоруссии, из города Витебска. Слыхали?

– Слышать-то слышал, да побывать, там не довелось. Ну, какие наши годы, побываем ещё.

– Немцы там сейчас.

– Это временно, дружище. Вот соберёмся с силами и погоним эту орду фашистскую. Наш человек долго запрыгает, а ездит быстро...

С первых минут знакомства проникся Илья уважением к этому человеку. Был он из тех людей, кто невольно вызывает симпатию своей откровенностью, мудрой душевной теплотой. Григорий Терентьевич казался пожилым на фоне большинства молодых ребят, ему исполнилось тридцать пять. Неторопливый, но всегда точный и аккуратный, отслуживший в армии ещё до войны, он передавал молодым свой немалый опыт, учил воевать...

Не думал Илья рассказывать о злополучных картах, но Пуляевский так расположил к себе, что почувствовав в нём близкого человека, и сам не заметил, как разоткровенничался, поведал о своих горестях и обидах.

– Не расстраивайся, Ильюша, – успокоительно проговорил Григорий Терентьевич, – всё встанет на свои места. Война – вещь суровая, и судьбу каждого может закрутить в такой узел, что и не раскрутишь. Только правда, она всегда правдой и остаётся. И это главное. Вот и пускай тебя правда поддерживает. А твоё доброе имя в собственных руках. Вся война ещё впереди, долгая будет, кровопролитная...

Внезапно затишье оборвалось взрывами артиллерийских и миномётных снарядов, высокие фонтаны песка, глины, камней поднятых невероятной силой, с грохотом падали на землю. Вокруг свистели осколки, впиваясь в бруствер траншеи рядом с Ильёй. Над окопами повисло густое чёрное облако удушливой гари.

– Воздух. Воз-дух! – звонко и протяжно скомандовал чей-то сильный голос. – Приготовиться к стрельбе. По ведущему самолёту залпом пли!

Из-за уступа траншеи показался старший лейтенант, он шёл твёрдой походкой, одной рукой придерживая каску, другой показывая направление, откуда приближались самолёты. Взгляд его остановился на Илье, который начал было докладывать о своём прибытии, поняв, что перед ним командир роты. Но старший лейтенант нетерпеливо прервал его:

– Команда для всех. Залпом, пли!

Затрещали выстрелы, строй самолётов нарушился, один отделился, начал резко снижаться, оставляя за собой чёрный шлейф дыма.

– Ну, давай знакомиться, политрук, – подошёл к Илье молоденький худощавый лейтенант, – Николай Ерёмченко, командир первого взвода. А на двух других взводах сержанты,

офицеров не осталось. – Он потупился, как будто был виноват в том, что из всех командиров взводов остался один офицер. – Вместе теперь воевать будем. И, оглядев Илью, спросил:

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– О, я на целый год старше, – и звонко рассмеялся.

Мерно и часто вздрагивала земля, в тяжёлый гул пролетавших над траншеями снарядов врывался тонкий посвист мин – артиллерия обрабатывала передний край противника. Илья вжался в такую спасительную, такую тёплую землю. Вот-вот наступит миг, когда надо оторвать от неё вдруг ставшее непослушным тело. Взлетела красная ракета – сигнал к атаке.

– За мной, ребята! Ура-а-а!

Ротный выскочил из траншеи, выхватил на ходу пистолет из кобуры.

«Ну, же вперёд, Илюха, разве не об этом ты мечтал в своих мальчишеских нах, вот она – атака». Какая-то неведомая сила вытолкнула Илью наверх, справа и слева он слышал тяжёлое дыхание бегущих рядом бойцов. Вперёд, вперёд. Кто-то падает, через него перескакивают, пелена застилает глаза, колотится сердце, из горла рвётся хриплое «ура».

Столб огня рядом, и что-то тугое и сильное сбивает с ног. Илья падает, через некоторое время глаза начинают различать чёрные фонтаны взрывов среди лежащих людей, в уши врывается нарастающий свист пуль и монотонное тарахтение пулемёта. И тут же доносится крик:

– Убит командир роты!

«Рота прижата к земле, если ещё промедлить, все будут перебиты». Эта мысль пришла в голову Илье неожиданно. Ну, вот он тот самый миг, когда надо действовать.

– Рота вперёд, за мной!

Илья выскочил из траншеи с винтовкой наперевес, краем глаза успел заметить справа и слева бегущих бойцов, сзади нарастает топот сапог, «поднялись ребята», совсем рядом мелькает лёгкая мальчишеская фигура с пистолетом в руке. «Лейтенант Ерёменко, командир первого взвода, вспомнил он молодого офицера». Впереди открылась немецкая траншея.

Николай первым прыгает в неё, за ним Илья, теперь в ход идут штык и приклад. Не зря отработывали на учениях приёмы рукопашного боя, а Илья был лучшим спортсменом в школе. Вскоре траншея была очищена от гитлеровцев, и тут Илья вспомнил, что из винтовки можно вести огонь. Он передёрнул затвор, но стрелять уже не понадобилось.

– Молодец, политрук! – взводный похлопал его по плечу, – вот и получил боевое крещение, я рад, что ты таким оказался.

Вдруг из-за поворота траншеи застрочил пулемёт, это дзот, не замеченный бойцами в суете боя. Лейтенант Ерёменко бросился туда и за ним несколько солдат. Едва они высунулись из траншеи, как прямо к ногам упала немецкая граната с длинной деревянной ручкой. Все застыли в оцепенении, и только взводный резко нагнувшись, схватил гранату и швырнул её в открытую дверь дзота. Раздался сильный взрыв, но за секунду до этого пуля пронзила грудь отважного лейтенанта.

Погибших хоронили в скорбном молчании. Тяжело было на душе у Ильи. Николай Ерёменко стоял перед глазами и слова его занозой застряли в мозгу: – «Теперь воевать вместе будем». Никого из солдат он не успел узнать близко, но с каждым был уже связан общей судьбой, общей бедой, нависшей над страной. Ненависть вползала в сердце, неведомое доселе чувство, оно горячее волной захлёстывало душу. А над могилой уже звучали слова:

– Клянёмся отомстить за смерть боевых друзей!

– Клянёмся!

– Клянёмся!

Случай пораженчества и предательства, с которым Илья столкнулся немного времени спустя, запомнился ему на всю жизнь. Он встревожил, заставил задуматься о том, из-за чего становятся предателями, из страха ли, из желания ли любой ценой сохранить свою жизнь.

Однажды, после того, как он провёл беседу с бойцами и они уже разошлись, к нему подошёл ничем не примечательный красноармеец.

– Товарищ замполита, у меня будет к вам вопрос.

– Задавайте, я слушаю. Представьтесь, пожалуйста.

– Кастрыкин Иван меня звать. Я из Калужской области, из села Роговатое. Вот вы говорили о необходимости разбить врага и даже, если понадобится отдать жизнь за победу. Так ведь мы его должны были разбить уже давно и воевать на чужой территории. Но этого не произошло и, я думаю, не произойдёт. Нет у нас мощи супротив немца.

Илья пристально разглядывал красноармейца. Обыкновенное круглое крестьянское лицо с белёсыми бровями, только глаза смотрят настороженно и недоверчиво.

– Я рассказал, что Германия напала на нас внезапно, несмотря на договор, и мы не успели подготовиться.

– Знаю я, как это внезапно, – презрительно возразил Кастрыкин. – У меня свояк перед войной демобилизовался, служил в Белорусском военном округе. Так он рассказывал, как немецкие самолёты свободно над нашей территорией летают, и никто их не сбивает. А немцы ходят недалеко от границы с какими-то приборами и всё наше расположение фиксируют. Кругом шпионы. Нашей армии никогда не победить Великую Германию.

– Да, было много ошибок, об этом говорил товарищ Сталин, но мы всё равно разобьём немца. А говорить то, что ты говоришь, это пораженчество, в армии оно недопустимо.

– А то, что моего отца и всю семью угнали в Сибирь, оставив малых умирать без хлеба и еды, допустимо. В нашей деревне всех, кто лучше работал, поставили к стенке, а имущество растащили. Немцы бы никогда так не сделали. Уж лучше сдаться, сохранить жизнь, чем умирать, как собака.

Илья понял, что этот солдат невольно или нарочно, втягивает его в какую-то нехорошую историю.

– Я не хочу говорить с вами на эту тему. Это преступно. Идите и подумайте, на что вы можете толкнуть своих товарищей.

Илья только недавно был в роте, он был воспитан на патриотизме, вере в свою родину, в руководителей и в народ. И он никому не стал сообщать об этом разговоре, считая, что парень находится в обиде и несёт всякую ерунду.

Он верил в Сталина, авторитет его был абсолютным. Вера в полководца в тяжёлое время необходима для укрепления морального духа солдата, в этом был убеждён. Да, через много лет, он узнал о культе личности Сталина, о том, что он принёс стране и народу неисчислимые бедствия. Но во время войны для достижения победы нужен лидер, которому бы беспрекословно доверяли, перед которым преклонялись. И тогда он будет способствовать победе. Такими были в русской истории Суворов и Нахимов, Кутузов и Ушаков, Котовский и Чапаев. И Великая Отечественная война выковала плеяду выдающихся полководцев: Жуков и Рокоссовский, Конев и Толбухин, Воронов и Мерецков, Малиновский и Кузнецов.

Кастрыкин больше не обращался к Илье, но, по-видимому, вёл подобные разговоры и с другими.

Через несколько дней поступило распоряжение – явиться в штаб полка представителям всех рот, по одному человеку от каждого отделения. И обязательно присутствовать заместителям командиров рот по политчасти.

Всех бойцов построили на поляне, и комендант штаба полка зачитал приговор Военного трибунала дивизии. За измену Родине, попытку перейти на сторону врага, приговорить

к расстрелу красноармейца Кастрыкина Ивана. Позже Илья узнал, что Кастрыкин вёл с бойцами разговоры о неизбежном поражении Красной армии. Ребята присматривались к нему. И однажды, ранним утром, когда Кастрыкин попытался бежать к противнику, настигли и задержали.

Охрана вывела на поляну приговорённого. Прозвучала команда. Двое автоматчиков дали залп, и всё было кончено. Бесславный конец. Молча, расходились по своим подразделениям бойцы. Никакой жалости к предателям, только так можно победить в этих условиях.

Солнце застыло на безоблачном небе, наступало знойное лето сорок второго. Илья не терял надежды на то, что сбудется мечта его стать настоящим политическим руководителем в роте, несмотря на молодость. Полгода назад ему исполнилось восемнадцать, и большинство солдат были старше. Однажды в роту пришёл незнакомый офицер. Неторопливо снял плащ-палатку, огляделся. В петлице тускло блеснули две шпалы – батальонный комиссар. Всё обмундирование пришедшего было в глине, видимо, немало пришлось ему поползать по траншеям переднего края.

– Ну, давай знакомиться, – протянул он руку Илье, – зам. начальника политотдела дивизии Кондратьев, собирай актив, комсомольцев, поговорим.

С восхищением слушал политработника Илья, присматривался к его манере держаться, говорить, отвечать на вопросы, пытался понять, чем же притягивает к себе батальонный комиссар? Как придаёт своим словам убеждённости и силу, которые беспрекословно принимаются слушателями? Это было очень важным качеством человека, вся деятельность которого состояла в необходимости убедить других.

– А теперь две важные новости для тебя, – произнёс Кондратьев, когда все разошлись, – обвинение за утерю карт с тебя снято, повозку с картами разбомбило, и они все сгорели.

С облегчением вздохнул Илья, обещание командира полка отдать его под трибунал тяжёлой гирей висело на душе.

– И второе, печальное, – продолжил комиссар: – Погиб Павел Фоменков.

Эх, Павка, друг и однокашник. Когда Кондратьев ушёл, Илья достал из кармана записку, которую, вроде бы, совсем недавно просунул в щель гауптвахты Павел, всмотрелся в неровные строчки. Не приголубит его теперь Настюха, не родит ему детей. Слёзы сами навёрнулись на глаза. Потом, после тяжёлых боёв, перед взором Ильи пройдёт множество смертей, уйдут в вечность люди, ставшие братьями, но плакать он больше не будет никогда.

Фронт стабилизировался, и стала регулярно приходить почта. Люди вспоминали о доме, тосковали о родных и близких, оставленных где-то далеко. Илья пытался поднять настроение солдатам, а у самого на сердце кошки скребли. Почему нет писем из дома, от родителей, от брата? Где теперь его Лилька, при воспоминании о которой у Ильи сладко ныло сердце. Прошёл всего год, как они расстались, не попрощавшись, а кажется, целая вечность... столько горя и слёз он повидал, как будто целая жизнь прожита. И повзрослел сразу.

Через пару дней в расположении роты появилась группа разведчиков из разведвзвода, они проводили рекогносцировку местности, готовились в рейд за языком. Илья узнал начальника разведки полка, которому нужен был переводчик.

– А, штрафник, – вместо приветствия усмехнулся старший лейтенант с запоминающейся фамилией Галич, – ты вроде бы немецким владеешь, не забыл тут ещё.

– Никак нет, – ответил Илья.

– Нам поручено срочно взять языка, а вчера командир полка использовал наш разведвзвод, чтобы атаковать расположение немцев вместе со стрелковыми ротами. Много опытных разведчиков полегло. Сейчас мне люди нужны, а ты ещё и немецкий знаешь. Может так случиться, что языка тащить не будет возможности и придётся его допросить на месте и уничто-

жить, – Галич помолчал, – ну, так что, пойдёшь за языком? – с грубоватой прямоотой заключил он.

– Я готов, только командира надо предупредить.

– Вот и прекрасно, а твоего ротного я беру на себя.

Вечер и следующий день ушли на подготовку, изучали проходы в тыл гитлеровцев, готовили оружие, подгоняли снаряжение, отрабатывали совместные действия. Всех разведчиков разделили на две группы – группа захвата и группа прикрытия. С наступлением темноты вышли из траншеи и гуськом, пригнувшись, направились в сторону вражеских позиций. Идти трудно, вся нейтральная полоса усеяна кусками разорванных снарядами деревьев, разбитыми пушками и пулемётами. Требовалась кошачья ловкость, чтобы ненароком не задеть что-нибудь и не насторожить противника.

Впереди показались две тени – часовые, значит это вражеская траншея. Николай, старший группы показал рукой – «ложись». Залегли и стали наблюдать. В темноте можно было различить окопы, ходы сообщения, справа виднелся холм, видимо, блиндаж. Из траншеи доносились голоса немецких солдат.

Группа прикрытия рассредоточилась и приготовилась к ведению огня, а группа захвата ворвалась в траншею. Одного солдата прикончили ножом, другому – сунули в рот кляп и связали руки. Всё произошло бесшумно в считанные секунды. Николай с двумя разведчиками повели пленного, а Илья с сержантом остались. Сержант подбирал оружие, брошенное немцами, а Илья неожиданно наткнулся на жгут проводов, ведущих к блиндажу, и перерезал их. Надо уходить, но рядом блиндаж, из которого в любой момент могут полоснуть очередь в спину. Решение пришло мгновенно – Илья в два прыжка очутился возле входа в блиндаж, откинул полог палатки, закрывавший вход и швырнул внутрь гранату. Раздался взрыв. Ушедших вперёд разведчиков догнали быстрой и, хотя немцы открыли ураганный огонь, до своих позиций добрались без потерь.

В траншее разведчиков встретил старший лейтенант Галич. Илья допросил пленного, он показал, что в расположения немецких войск для усиления обороны прибыла новая часть. Пленный – немолодой, с усталыми задумчивыми глазами солдат, начал рассказывать, что до войны работал на заводе слесарем, дома осталась жена и двое детей. А в армию взяли насильно под угрозой ареста. В подтверждении своих слов полез в карман френча и вытащил пачку фотографий. Одна из них выпала и кто-то из разведчиков подобрал её. В следующее мгновение он метнул на немца яростный, ненавидящий взгляд. На фотографии был изображён этот пленный на фоне пепелища и повешенных людей. Гордая осанка, надменный холодный взгляд. Взгляд убийцы.

Молодые солдаты, да и Илья тоже, медленно прозревали. Воспитанные в духе интернационализма, лозунга «Пролетарии всех стран – соединяйтесь», они считали своим девизом дружбу, братство, солидарность всех народов и рас. Вражеские солдаты казались обыкновенными людьми, которых просто обманул Гитлер. Скоро-скоро они прозреют и сами прекратят войну. Как горек был этот самообман, сколько крови и смертей должны были повидать эти бойцы, чтобы появилась в сердце жгучая, неуправляемая, до спазмов в горле, ненависть.

Галич отправил немца в штаб, подальше от пылающих ненавистью разведчиков, а Илье предложил:

– Переходи к нам, из тебя хороший разведчик получится. Я договорюсь с начальством.

Но перейти в разведку Илье не пришлось, это была их последняя встреча. Старшего лейтенанта Галича через несколько дней назначили командиром батальона, а ещё через день, ведя батальон в атаку, он был убит.

Глава вторая

Сын полка

С этим мальчишкой Илья познакомился случайно. Немцы частенько открывали артиллерийский огонь, надеясь, что наши будут отвечать и удасться засечь огневые точки. Эти обстрелы доставляли бойцам немало хлопот, за месяцы в обороне все траншеи и блиндажи были уже противником пристреляны и снаряды ложились довольно точно. Илья переживал такой артналёт в своей стрелковой ячейке, когда ему почти на голову свалился маленький солдат.

– Виноват, я вас не очень зашиб? – звонким голосом спросил солдатик, отряхивая с длинной не по росту шинели землю.

– А ты кто таков будешь?

– Воспитанник полка Боря Новиков. Можно я тут у вас побуду, пока фриц не успокоится?

– Располагайся. А куда направляешься?

– На командный пункт командира роты с поручением.

В это время снаряды стали ложиться близко и от страшного грохота закладывало уши, говорить стало невозможно. Как только огонь ослабел, Боря выбрался из ячейки, прыгнул в недалёкую траншею и исчез.

Прошёл месяц. Боря частенько забегал в землянку Ильи. Однажды Илья шёл в штаб дивизии, дорога проходила через густые леса, которыми была покрыта вся эта местность. Вдруг из леса на маленькой лошадёнке вылетел всадник и лёгкой рысью поскакал по дороге. Когда он приблизился, Илья узнал Борю. Мальчик придержал коня и остановился:

– А меня медалью наградили, «За отвагу», – с гордостью похвастался он, поглаживая блестящий кружок на груди.

– Поздравляю от всей души с высокой наградой, – одобрил Илья, пожимая маленькую руку мальчишки.

И он нисколько не лукавил, заслужить медаль «За отвагу» в сорок втором году было довольно сложно, её давали лишь наиболее отличившимся бойцам. И уже трогая лошадь, Боря не удержался, как и любой мальчишка:

– И орден скоро получу. Не верите? Я слов на ветер не бросаю.

Боря погиб через пять дней после этой последней встречи с Ильёй.

– Дяденька, возьмите меня на фронт, – подошёл к командиру батальона мальчишка, когда дивизия только-только выгружалась из эшелонов. И увидев скептический взгляд сверху вниз, тут же добавил, – хочу бить фашистов. Я могу в разведку пойти, маленький, меня и не заметят.

– Сколько же тебе лет, разведчик? – улыбнулся командир.

– Уже двенадцать исполнилось.

– А откуда ты?

– Я из Ленинграда эвакуированный на Волгу, в Рыбинск, отец погиб, хочу отомстить фашистам. Неделю сюда на фронт добирался.

Командир почесал затылок:

– Н-да, история. Нет, брат, тебе учиться надо, а с фашистами мы и сами разберёмся. Мамка, небось, испереживалась вся, где же сынок её. Придётся возвращаться назад.

И приказал первым же эшелоном отправить мальчишку обратно.

Однако к вечеру пацан снова появился в расположении полка. И никакие уговоры на него не действовали. Тогда командир решил на свой страх и риск оставить мальчишку в полку. Ему скроили маленькую гимнастёрку, брюки и шинель, выделили смирную лошадку из обоза, оформили, как помощника санитаря. Теперь он везде появлялся с санитарной сумкой на боку.

Парнишка оказался смелым и отважным, и по-детски беспечно весёлым. Его старались держать подальше от передовой, но как только начинался бой, он немедленно появлялся в окопах и лез в самое пекло. Маленький, юркий, быстрый он, то перевязывал раненых, то мчался куда-то в качестве связного. Его передевали в гражданскую одежду и отправляли в ближайшую деревню в немецком тылу, чтобы засечь огневые точки гитлеровцев. Боря обладал феноменальной памятью.

В самых тяжёлых боях в мае и июне сорок второго Боря находился на передовой и оказывал помощь раненым. Перевязывал их и сопровождал в тыл. Он также выносил с поля боя винтовки, автоматы, ручные пулемёты, вытаскивал документы у убитых фашистов, что помогало в разведывательной деятельности.

Когда наступило относительное затишье, командир дивизии вручил Боре Новикову медаль «За отвагу». Потом обнял мальчишку и расцеловал. Слава об отважном санитаре и разведчике разнеслась по всей дивизии.

Всего три месяца войны из его двенадцати лет жизни отпустила Боре судьба. Он был умён и развит не по годам, его недетскую мужественность, решимость и отвагу отмечали все, кто соприкасался с ним, кто видел его в бою. Однажды он был ранен в ногу, но не покинул поля боя, пока не помог всем раненым.

Несмотря на всё это Боря был ласковым мальчиком, высылал своей маме все деньги, которые ему полагались, писал ей нежные письма.

Боря часто приходил ночевать в землянку Ильи, докладывая:

– Товарищ политрук, воспитанник Новиков явился в ваше распоряжение, – при этом козырял, прикладывая руку к пилотке.

Потом укладывался к Илье под бок, обнимал за шею и просил рассказать сказку. За каждую сказку он благодарил и целовал Илью.

После последнего боя пошёл с танкистами вытаскивать застрявший танк. Место было пристреляно, немцы специально поджидали тех, кто придёт для эвакуации танка. Они открыли ураганный миномётный огонь, одной миной Борю буквально разорвало, танкисты были ранены.

Так погиб отважный и смелый мальчуган, всеобщий любимец, не слышно больше его звонкого голоса...

Пройдёт много лет, Илья разыщет в Рыбинске Борину мать и посетит вместе с нею школу, названную именем её сына.

Глава третья В обороне

Летом сорок второго года Германская армия была ещё очень сильна.

Танковые колонны вермахта рвались к Волге, к перевалам Большого Кавказа, к нефти. Но, во всё большей степени немецкие войска получали отпор, и втягивались в затяжные позиционные бои.

На Северо-Западном фронте шли бои за ликвидацию Демья новского котла, в который попала шестнадцатая немецкая армия в составе семи дивизий, но ликвидировать её в течение двух месяцев так и не удалось. Враг ещё господствовал в воздухе, не хватало артиллерии, танков, боеприпасов. Немцы предпринимали попытки прорыва, прощупывая наиболее уязвимые места в обороне Красной армии, но после ожесточённой перестрелки откатывались назад. В перерывах между боями бойцы рыли окопы и траншеи, строили блиндажи, дзоты, землянки. Очищали местность от кустарников, пристреливали ориентиры. А местность была болотистая, в окопах быстро накапливалась вода, сочившаяся прямо из стен. Работали до кровавых мозолей.

Параллельно приходилось заниматься боевой учёбой. В войска стало поступать новое оружие – карабины и станковые пулемёты Горюнова.

Однажды в распоряжение роты прибыл комиссар дивизии батальонный комиссар Тюленев. Он рассказывал собравшимся бойцам о событиях под Москвой и на Волге, толково объяснял, почему врагу удалось захватить такие обширные пространства нашей страны, отвечал на вопросы.

– А чего мы всё в обороне топчемся? – Спросил один из бойцов, – наступать надо, вперёд двигаться...

– Наступать, говоришь, – прищурившись, спросил комиссар, – а готов ли ты к наступлению?

– Готов, давно готов...

– Тогда ответь, какова длина штыка винтовки? Боец замялся, ответил невпопад, кто-то подсказал:

– Тридцать пять сантиметров.

– Неверно, – комиссар покачал головой, своего оружия не знаете, а говорите – наступать. Кто-то скажет, мол, мелочи, но в нашем воинском деле мелочей быть не может. Так вот, длина штыка винтовки – сорок три сантиметра. Для чего это нужно знать? А чтобы посадить на штык сразу двух фрицев, – закончил комиссар под одобрительный смех красноармейцев.

Илья, как губка, впитывал методы агитационной работы, способы убеждения бойцов, учился, как надо её вести.

После того, как бойцы разошлись, Тюленев попросил задержаться Илью и политрука роты Кашина. Им крепко досталось за недостаточную популяризацию среди молодого пополнения подвигов отличившихся в боях бойцов. А Илья получил упрёк за плохую работу среди комсомольцев и медленный рост их рядов.

Вскоре Илья стал писать информационные листки и зарисовки о бойцах роты в дивизионную газету «Защитник Родины», а потом взял за правило при каждом вызове в штаб дивизии, заходить в редакцию и получать задания.

Илье неоднократно приходилось сопровождать на передовую фронтовых журналистов, и он убедился, как нелёгко их «хлеб», с каким риском для жизни добываются скудные газетные строчки.

Как организовать политическую работу в подразделениях в условиях такой тяжёлой войны? Где можно научиться этому? Этот вопрос мучил Илью, ему так хотелось поскорее

постичь ремесло политработника. Но, только в каждодневной работе, в точном расчёте и знании психологии бойцов, можно приобрести опыт. Учиться у жизни.

В роту пришёл комсорг полка старший политрук Копытов. Он принёс газеты, в которых были портреты снайпера Людмилы Павлюченко, уничтожившей под Севастополем двести фашистов. Это он произнёс фразу, ставшую крылатой:

– Фашист, убитый под Демянском, не появится в Сталинграде.

После комсомольского собрания, пригласил Илью:

– Проводи меня до соседней роты.

Молча, шли по склону оврага по густой, чавкающей грязи.

– Что такой грустный, Илья, или случилось чего?

– Ничего такого не случилось, Иван Петрович, просто надоело в этих болотах сидеть.

Люди говорят, что кто-то воюет с врагом, а мы здесь отсиживаемся...

– Ну, положим, начальству виднее, когда наступать, а мы о том в своё время узнаем.

А вот почему бы тебе не организовать в полку снайперскую команду. Представь, что если в каждой роте будет по пять-десять снайперов, это же какая силища. Ты, кажется, учился на снайпера, да и до войны в ОСОВИАХИМЕ хорошо стрелял. Подберите вместе с командиром роты толковых людей, ты научишь их владеть снайперской винтовкой.

Илья, ещё в период формирования дивизии на Урале, некоторое время изучал снайперское дело, но применить знания в боевой обстановке не пришлось, да и подзабыл многое. Научить человека метко стрелять – это не самое главное, снайперу необходимо иметь зоркий глаз, мгновенную реакцию, железную выдержку, сметку и храбрость, хорошую физическую подготовку, иначе он сам станет лёгкой мишенью для врага. Выслушав сомнения Ильи, Копытов сказал:

– Надо переиграть врага, мы не должны давать ему ни минуты покоя, чтобы он не чувствовал себя хозяином на нашей земле.

Долго искать желающих обучаться снайперскому делу не пришлось.

Бойцы с удовольствием шли знакомиться с новым престижным делом. Пришлось отбирать самых подходящих. Специального полигона для занятий не было, пришлось организовывать их прямо на передовой. Часами солдаты с напряжением, но охотно овладевали снайперским делом: изучали оружие, тренировались в прицеливании и «холодной» стрельбе, учились маскироваться, отыскивать цели, вести огонь по движущимся мишеням.

Илья рассказывал, что снайперу необходимо терпение, иногда, целый день пролежать, почти не двигаясь, ничем не выдавая себя, чтобы застать немца врасплох.

Через две недели Илья, посчитав, что начальный курс пройден, подобрал себе в пару сержанта Николая Бодрова. Третьим назначил бойца с пулемётом для прикрытия.

Нейтральная полоса, которую пришлось преодолевать, изобиловала оврагами, мелким кустарником и группами деревьев. «Идеальное место для засады, – подумал Илья, – вдруг немцы решили её здесь выставить».

Пришлось идти осторожно, припадая к земле, часто останавливаться, напряжённо ловя звуки, внимательно осматриваться, вглядываясь в каждый куст.

– Видишь, ориентиры, которые нам указали разведчики, – шепнул Илья Николаю, – за ними вражеская траншея. Дальше будем двигаться по-пластунски.

Ползли от овражка к овражку, от куста к кусту, впереди Илья, за ним Николай, позади пулемётчик. Наткнулись на тропу, истоптанную множеством ног. Илья огляделся, ничего подозрительного не увидел и махнул Николаю, прошмыгнёт к густой лесопосадке впереди, за которой виднелся холм. Сделал шаг-другой и остановился, как вкопанный, прямо перед ним на высоте пояса была натянута тонкая проволока. Скорее всего, она прикреплена к чеке гранаты, натянешь проволоку, чека выскочит и граната взорвётся.

Илья показал бойцам на проволоку, давая понять, что надо двигаться с максимальной осторожностью. На всякий случай он приказал увеличить дистанцию и ползти медленней. Вскоре допозли до холма и внимательно огляделись. Впереди, метрах в ста траншея противника, рядом с ней землянка, а вокруг окопы и ходы сообщения.

Выбрали удобные для долгого наблюдения позиции и залегли. Илья внимательно рассматривал местность в оптический прицел винтовки. Вот взгляд его наткнулся на пучки и сплетения тонких проводов – малозаметная полоса препятствий. Повёл прицелом, чтобы отыскать проходы, но не нашёл.

Подумал: «Хорошо, преследования не будет».

Прошло значительное время, но никого обнаружить не удавалось. Поразительно, словно и нет никакого противника. Но ведь там наверняка свои наблюдатели. Что же делать? Возвращаться «не солоно хлебавши», насмешек от товарищей не оберёшься. Снайперы, тоже мне, добрались до переднего края противника и ни одного гитлеровца не обнаружили. Кто поверит? Нет, надо ждать, хоть до самого утра, всё равно немец чем-то да обнаружит себя.

Ага, вот они! Из землянки вышли двое и неторопливо двинулись к недалёкому оврагу. Шли открыто, в полный рост, не чувствуя никакой опасности, будто на прогулке. Шли, как хозяева по чужой земле. Нашей земле. Горло Илье перехватил спазм жгучей ненависти. Куда-то пропали все довоенные внушения о дружбе и братстве между народами. Сначала верили, что немецкий рабочий класс прозреет, бросит оружие и пойдёт брататься, но это были уже другие немцы. А потом... потом поступил наказ «Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его», и учились и ненавидели.

Илья не торопясь поймал в перекрестие прицела одного из гитлеровцев и плавно нажал спусковой крючок. Гулким эхом прозвучал в тишине выстрел. Немец покачнулся и осел на землю. Второй остановился, оглядываясь по сторонам, не понимая, откуда стреляли. К упавшему подбежали ещё двое. Они, тоже ничего не поняли, им даже в голову не пришло, что здесь могут быть русские снайперы. Илья ещё раз выстрелил, второй фашист рухнул на землю. И тут же прозвучал выстрел Николая, ещё один немец упал. Бежавшие к упавшим солдатам гитлеровцы залегли и медленно поползли. Илья повёл винтовкой и увидел, как у поднявшегося из траншеи немца сверкнули окуляры бинокля. Офицер, наверное. Илья выстрелил прямо в бинокль, офицер исчез. И тут же прозвучал второй выстрел Николая.

Гитлеровцы, наконец, опомнились, затрещали автоматы, ударил пулемёт, пули засветили над самой головой. «Засекли, гады, – подумал Илья».

– Отходим, – крикнул он бойцам, – пулемётчик прикрой.

Сначала ползли, а потом, спустившись с холма, под его прикрытием побежали. У тропы на ничейной полосе залегли, поджидая пулемётчика. Вскоре появился и он. Через полчаса были в расположении роты.

Снайперское движение в дивизии ширилось. Уже у многих солдат счёт убитых фашистов достиг нескольких десятков, а у некоторых и за сотню перевалил. Дивизионная газета публиковала имена снайперов, а некоторые, наиболее известные делились опытом, как поражать противника. Этот опыт новички воспринимали, как инструкцию.

Немцы стали осторожнее, усилили дозоры, ставили засады, но снайперы каждую ночь выходили на охоту. Стреляли очень метко. Вскоре счёт убитых вражеских солдат перевалил за шестьсот. Время оборонительных боёв заканчивалось, Красная армия переходила в наступление.

Глава четвёртая На старую Руссу

В декабре сорок второго года в дивизии произошла переаттестация командного состава. Илье присвоили звание младшего лейтенанта, и назначили заместителем командира девятой роты.

Командир роты старший лейтенант Николай Аркадьев встретил Илью радушно и приветливо. Вечером посидели за накрытым столом в землянке, где теперь им предстояло вместе жить.

– Я родом из Тульской области, – рассказывал Аркадьев, когда уже выпили за встречу и за успехи в ратном деле, – окончил ускоренные курсы командного состава и был назначен командиром учебного взвода в запасной полк. Целый год просился на фронт и, наконец, отпустили.

Совсем ещё молодой, красивый парень, подвижный и энергичный, казалось, притягивал к себе людей. Время от времени, он куда-то отлучался на два-три дня с разрешения командира полка, оставляя за себя заместителя по политчасти. Вскоре Илья узнал причину этих отлучек.

Ещё летом на участок обороны, занимаемый ротой, стали наведываться девушки-снайперы. Их команду, входящая в специальную снайперскую роту 3-й Ударной армии, прикомандировали к 525-му полку. Девушки были хорошо обучены снайперскому делу и успешно охотились за немецкими солдатами, часто меняя боевые позиции. Когда девушек отправляли в роту, звонили из штаба полка:

– Обеспечьте их работой, согласуйте, если нужно, поддержите, подстрахуйте огнём.

Снайперы, которых недавно обучал Илья, относились к работе девушек ревниво:

– Перебьёте всех наших фрицев, что же нам тогда делать? – шутивно спрашивали они у симпатичных гостей.

Землянки девушек размещались около командного пункта полка, туда и приходили офицеры от роты, чтобы проводить девушек на позиции.

Частенько командир роты сам приводил девушек-снайперов, и среди них почти всегда оказывалась шустрая черноглазая Марина. Когда Аркадьев приводил девушку в расположение командного пункта роты, ординарец, и связисты, и все, кто находился в землянке командира роты, старались под любыми предлогами поскорее уйти, чтобы оставить их вдвоём. Дисциплина в снайперской команде, находившейся всегда среди мужчин, была очень строгой, командир не разрешала девчатам ходить в гости.

– Тоже мне, настоятельница в монастыре, – ворчал Аркадьев, – и побалагурить с девчонкой нельзя.

Вскоре девушек-снайперов перевели на участок другой дивизии, стоящей в обороне в 150 километрах от 171-й. Почти год, до тех пор не началось общее наступление армии, Аркадьев мотался вдоль фронта на участок, где расположились девушки. В самом начале наступления командир роты старший лейтенант Аркадьев был тяжело ранен, отправлен в тыл и там скончался на операционном столе.

Спустя тридцать лет после Победы, на встрече ветеранов 3-ей ударной армии в Центральном доме Советской армии в Москве, присутствовала группа бывших девушек-снайперов. Теперь это были уже солидные женщины, у многих на груди сияли Золотые Звёзды Героев. В том далёком сорок третьем году, когда Илью назначили в девятую роту, он уже не застал их в дивизии. Поэтому тихонько поинтересовался у распорядителя:

– Можно узнать, присутствует ли здесь снайпер Марина?

Через некоторое время к Илье подвели немолодую уже женщину с Золотой Звездой на груди.

– Вы хотели меня видеть? – спросила она.

– Да, я хотел узнать, вы не были знакомы в сорок втором году со старшим лейтенантом Николаем Аркадьевым?

Женщина широко открытыми глазами смотрела на Илью. Наконец, она произнесла:

– Да, я знала его... – губы её дрожали, – что с ним случилось тогда?

– Он был тяжело ранен и умер в госпитале.

Женщина закрыла лицо ладонями и долго молчала.

– Нас перебросили на другой фронт, с Колей мы встретиться не могли... – видно было, что эти воспоминания давались ей с трудом, – вскоре я познакомилась с прекрасным человеком, который стал моим мужем. Теперь у нас уже внуки.

И, как бы в оправдание, добавила:

– На войне, вы ведь знаете, как бывает... жизнь коротка.

Зима уже лютвала, повалил снег, ударили морозы. И хотя разговоры о скором наступлении ходили в частях, фронт стабилизировался. Только в начале февраля сорок третьего был получен приказ о передислокации дивизии. Совершив стокилометровый марш полки прибыли в район Старой Руссы. Началась усиленная подготовка к наступлению: подтягивалась артиллерия, подвозились боеприпасы, разворачивались санитарные роты и медсанбаты. В батальонах, куда прибывало пополнение, изучали оружие, «штурмовали» укрепления врага, имитировали атаку.

Илья занимался привычной уже работой политрука: подбирал и инструктировал агитаторов, знакомил бойцов из пополнения с историей и традициями дивизии, проводил беседы и полит информацию. Здесь впервые мнения Ильи и командира роты по ведению политработы разошлись. Когда Илья заговорил с ротным о людях, об их думах и чаяниях, командир роты старший лейтенант Аркадьев отрезал:

– Давай договоримся сразу, всё, что касается настроений, личных переживаний и прочего в том же духе – по твоей части. Моё дело командовать, учить воевать, а твоё – воспитывать.

– Но нельзя же противопоставлять одно другому, – возразил Илья, – человек не бездушный автомат. Тебя ведь не надо убеждать, что от его морального духа зависит то, как он будет вести себя в бою, не спрячется, не побежит, а будет исполнять приказ.

– Вот, каков приказ, его точность и ясность, таковы должны быть и действия солдата. А приказ всегда строг и жесток. И боец должен быть готов выполнить любой приказ. Хватит спорить на эту тему, я командир, и моё слово решающее, – заключил Аркадьев.

Вскоре Илье пришлось убедиться в требовательности командира роты к подчинённым. Он не щадил их ни в больших делах, ни в малых, но также был беспощаден и к себе. Следствием этого была высокая дисциплина в подразделении. Неоднократно пытался Илья убедить Аркадьева, что солдаты ждут от него теплоты и участия, душевного слова. Ведь, стань он хоть чуточку мягче, не задумываясь, пойдут за ним в огонь и воду.

– Я командир, а не барышня, которая должна заботиться о любви и уважении к себе, – отвечал он, усмехаясь.

Несмотря на эти разногласия, Илья жил в одной землянке с командиром, и они делились друг с другом последним сухарём и куском сахара. И трудно было понять, как совмещались в одном человеке такая беспощадная сухость с истинно русской размашистостью и добродушием. Создавалось такое впечатление, что Аркадьев пытался соответствовать какому-то, только ему известному и выстраданному образу военачальника.

Раз в месяц старшина доставлял в роту дополнительный паёк, положенный командному составу: килограмм печенья, две банки консервов, сливочное масло, несколько пачек табака. Аркадьев, который не курил, тут же звал ординарца:

– Раздать табак бойцам на каждый взвод, – приказывал командир.

Тут же организовывалось застолье, Аркадьев и Илья выкладывали все припасы, которые получали.

– Телефонисты, связные, хозяйственный взвод и все, кто поблизости, пусть заходят к нам угоститься, – с одобрения Аркадьева приглашал Илья.

Командир с радостью наблюдал, как в мгновение ока уничтожается еда, лицо его светилося счастьем от того, что он может доставить удовольствие людям. Но, как только застолье заканчивалось, Аркадьев снова становился суровым и требовательным.

В природе всегда существует некий баланс, чтобы уравновесить крайности и предупредить однобокость. Такой баланс внимательный наблюдатель может заметить в любом сообществе и на войне тоже.

Двадцатилетний командир взвода лейтенант Александр Полозков был прямой противоположностью Аркадьеву.

– Василий Лукич, – обращался он тихим голосом к бойцу, который был не намного старше его, – пожалуйста, углубите окоп, хотя бы сантиметров на двадцать. Понимаете, если начнётся миномётный обстрел, в глубоком окопе больше шансов, что осколки вас не заденут.

– Ты что, Полозков, – распекал его Аркадьев, – ведёшь себя как в институте благородных девиц, приказывать надо, командовать.

– А я ко-командую, – слегка заикаясь, отвечал Полозков, и краснел, – у ка-каждого свой ме-метод.

– Ме-е-год, – передразнивал Александра командир, – навоюем мы с твоими методами.

– Уговаривать не бойцов надо, дорогой Саша, а девушек, – поддерживал ротного командир первого взвода Винницкий. – Вот у тебя, например, была девушка? – задавал он хитрый вопрос.

– Почему была? Есть.

– О, расскажи про неё, какая она?

– Хватит, товарищи офицеры, – обрывал молодых взводных Аркадьев, – идите в своё расположение и лучше проверьте службу, чем тратить время на лирические отступления.

Двадцать второго февраля 1943 года дивизия получила приказ: с наступлением темноты выдвинуться к переднему краю, сменить части одиннадцатой армии и утром двадцать третьего перейти в наступление.

Рота вышла к переднему краю, когда окончательно стемнело. Старший лейтенант, командир роты, которую предстояло сменить, рассказывал, водя жёлтым от табака пальцем по изрядно потрёпанной карте:

– Мы находимся вот на этом выступе, до немцев порядка двухсот метров. Их оборона хорошо укреплена, много дзотов и укрытий. Много глубоких блиндажей, не выкуришь и артиллерией. Вся ничейная полоса хорошо пристреляна. Так что когда пойдёте в наступление, старайтесь преодолеть её одним броском. Замешкаетесь, всем крышка, перебьют, как кутят.

Аркадьев принимал участие, а Илья решил пройтись, посмотреть, как устроились бойцы. Ночь стояла холодная, морозная, безветренная тускло мерцали звёзды. Противник нервничал, непрерывно пускал ракеты, кое-где раздавались пулемётные очереди, даже разорвался снаряд.

– О чём задумался, брат-славянин? – раздалось сзади.

Илья обернулся и увидел командира батальона и заместителя по политчасти.

– Здравия желаю, товарищ капитан.

– А где ротный, в землянке? Собирай офицеров, есть дело.

Через пять минут собрались офицеры роты, командир пулемётной роты и командир артиллерийской батареи.

– Задача роте: ворваться в траншеи противника, а затем силами двух взводов ударить во фланги гитлеровцам. Тем обеспечить наступление других рот батальона.

После ухода командования батальона, Илья собрал в командирской землянке коммунистов и комсомольцев.

– В роте много новеньких необстрелянных солдат, необходимо воодушевить их личным примером, когда начнётся атака. А до этого необходимо поговорить с каждым бойцом, подбодрить, помочь подготовиться к бою.

В эту ночь в роте никто не спал. Бойцы готовили в снежном насте проходы и ступеньки, расчищали площадки для пулемётов.

Илья смог поговорить почти с каждым солдатом роты, настроение у всех было немного проподнято-нервное, как бывает обычно перед боем.

Переговаривались, курили «козьи ножки», вспоминали о доме, о родных. Скорее бы окончилось это ожидание, томящая неизвестность. Илья пошёл на правый фланг, в расположение первого взвода, где ему по договорённости с командиром роты надлежало быть во время атаки.

– Вот, полюбуйтесь, товарищ младший лейтенант, – указал Илье в сторону один из бойцов, – совсем раскис. Держался, держался, и на тебе...

На ящике из-под патронов сидел молоденький парень с отрешённым лицом. Илья подошёл к нему, тот повернул голову и виновато улыбнулся.

– Что, страшновато?

– Страшновато, – с детской непосредственностью отозвался боец.

– А ты не думай о смерти, вспоминай хорошее, весёлое, что было в жизни. Сам-то откуда?

– Ярославский я.

– О, ярославские дерутся героически, смело. А смелого пуля боится, и штык не берёт. Вот и не подведи земляков, на тебя надеются...

– Постараюсь, товарищ младший лейтенант. А в случае чего... тут у меня письмо к маме, один я у неё остался, двух моих братьев под Сталинградом...

– О смерти думать запрещаю, – как можно строже проговорил Илья, – а письмо маме отправишь завтра. Сам.

Боец по-детски шмыгнув носом и смущённо улыбнулся.

Илья прошёл дальше по траншее и подумал, что он старше этого парня всего-то на год-два. Почему же у него нет никакого сомнения, никакой боязни, а только уверенность и твёрдость? Может быть, в этом сказывается высокое чувство ответственности? Он не может испугаться, не может унижить себя трусостью, не может выглядеть в глазах бойцов и тех, кто доверил ему такую ответственную работу за души людей таким хлюпиком, размазнёй, которого и уважать-то не за что, а слушать, и тем более.

Задумавшись, неожиданно увидел в конце траншеи знакомого ещё по времени формирования дивизии на Урале основательного, по-деревенски неторопливого Евсея Петрова, который положив на сапёрную лопатку лист бумаги, писал что-то карандашом, подсвечивая себе сигаркой. Евсей отслужил срочную ещё до войны. Он был в бою хладнокровен и смел, никогда не терял выдержки и самообладания, ему можно было поручить любое задание с уверенностью, что оно будет выполнено.

– Что, Евсей Иванович, о предстоящем бое, наверное, домой сообщаем.

Евсей неторопливо затянулся, выпустил дым и ответил:

– А чего о нём писать-то, о бое, расстраивать только домашних. Чай, не впервой идти, обойдётся как-нибудь. Там в селе и так несладко, весь колхоз на бабах, да на мальчиках остался. Ничего, тянутся... Сами на жмыху, да на мёрзлой картохе, а фронт снабжают.

– Вот хочу тебя попросить, посмотреть за молодым, как бы не струсил парень. Земляк твой, ярославский.

Илья рассказал Евсею о раскисшем пареньке. Тот сразу засобирился:

– Пойду, пожалуй, оставлять с такими думами наедине парнишку не следует. А ты, Борисч, за него не волнуйся, пойдёт в атаку вместе со мной.

Илья с чувством пожал руку Евсею:

– Спасибо тебе, Иваныч!

– Да полно, за что спасибо-то!

Утром началась артиллерийская подготовка. От грохота снарядов закладывало уши, вражеские позиции накрыло взрывами. Снег почернел. Через сорок томительных напряжённых минут ожидания, артиллеристы перенесли огонь вглубь обороны немцев. Наконец-то взвилась зелёная ракета сигнал к атаке. В один миг, словно какая-то сила вытолкнула Илью на бруствер:

– Быстрее ребята, вперёд... За Родину!

Бежать трудно, наст не выдерживает, оседает и крошится под ногами. Эти двести метров кажутся такими долгими... Осталось половина, ещё одно усилие, один рывок, ну, поднажмём, ребята.

И вдруг перед бегущими бойцами стеной взметнулась земля. «Огневой миномётный заслон» – сразу понял Илья, пристрелянный заранее рубеж.

Одновременно ударили не подавленные артиллерией пулемёты. Свист пуль и осколков, грохот разрывав, стоны раненых, крики слились в один чудовищный адовый гул. Бойцы залегли, среди лежащих на снегу тел заплясали разрывы.

Живы ли, убиты? Слишком много неподдавленных огневых точек, рота попала в западню, в огневой мешок. Лихорадочные мысли теснились в голове: надо срочно поднимать людей и рывком вперёд выводить из-под огня. Каждая минута промедления стоит чьей-то жизни.

Илья увидел, что невдалеке лежит командир взвода лейтенант Полозков. Закричал ему:

– Саша! Выводи взвод броском вперёд! И тут же услышал команду Полозкова:

– Приготовиться к атаке!

Лежащий неподалёку боец продублировал команду, Илья узнал в нём того самого парня, с которым беседовал накануне. Убедился, что растерянности у того нет.

– Вперёд! – кричал, вскакивая, Илья, и краем глаза увидел, как поднялись бойцы. Их немного, едва треть прежнего состава, остальные неподвижно остались лежать на снегу. Всё слышнее треск пулемётов, всё больше воронок от снарядов на пути. Но падали люди, редела цепь. Метров сорок всего оставалось до вражеских траншей.

Неожиданно какая-то сила рванула за ноги и бросила в снег.

Оглянулся, справа и слева валились бойцы. В пылу боя осознал, что налетели на мало-заметное препятствие (МЗП), за которым виднелись проволочные заграждения перед немецкими траншеями. И тут Илья с горечью понял, что к траншеям уже не пробиться, не пройти с оставшимися людьми до такой близкой цели.

Ввалился в оказавшуюся поблизости воронку и упал рядом с лежащим там бойцом.

– Жив?

– Кажись, жив.

Боец разровнял перед собой ещё тёплую землю, аккуратно уложил перед собой обоймы с патронами, гранаты, протёр карабин. Илья последовал его примеру: разложил гранаты, сменил обойму в пистолете.

Стрельба постепенно стихла, стал слышен даже шум ветра и бухающих вдалеке орудий. Но вдруг снова вздрогнула земля от разрывов, зататакали пулемёты.

– Фрицы! – прохрипел боец, – в контратаку пошли, сволочи.

Фашисты бежали цепью, стреляя из автоматов, у проходов в проволочных заграждениях заматались, сбились в кучи.

– Ну, что, давай по одной, – предложил Илья, он ещё в ОСОВИАХИМЕ отличался не только меткой стрельбой, но и умением далеко кидать гранаты.

– Давай!

Взрывы возникли среди сбившихся в кучу немцев неожиданно, одни застыли на месте, другие попадали в снег. И тут среди гущи врагов ещё взметнулись взрывы, «ага, значит, живы ребята» мелькнула мысль.

– Так их, так их, гадов! – закричал боец и, высунувшись по пояс из воронки, стал стрелять из карабина.

Эх, сейчас бы в атаку, прекрасный момент, но где рота, сколько осталось в живых?

Вскоре всё стихло, после грохота боя в уши ударила пронзительная тишина. Справа санитары собирали раненых, волочили их по снегу. Немцы открыли по ним огонь из автоматов. В ответ захлопали винтовочные выстрелы из воронок. Илья попытался засечь, из каких воронок стреляют, но понять, сколько людей ведёт огонь так и не смог.

– Товарищ младший лейтенант, вы здесь? – слышался голос связного Ильи Андрея Соломкина.

– Здесь, Андрей, – обрадовался Илья.

Соломкин ввалился в траншею и рассказал, что его послали разыскать Илью.

– Командир роты старший лейтенант Аркадьев и командир первого взвода лейтенант Львов тяжело ранены. Командир батальона приказал вам вступить в командование ротой.

Илья усмехнулся, хорош командир, у которого всего два бойца. Ну, ничего не поделаешь, надо принимать командование. В первую очередь определиться, сколько бойцов осталось в наличии. Но как это сделать, когда каждый хоронится в воронке, а сколько их, подсчитать невозможно. Надо ждать темноты, собрать бойцов, перегруппировать силы, установить связь с батальоном и получить конкретную задачу.

Лишь к ночи Илья смог собрать людей. От роты в строю осталось шестнадцать человек. Пока разбивал бойцов по отделениям, уточнял списки погибших, из полка прибыло пополнение – ездвые, артиллеристы, оставшиеся без орудий, солдаты хозяйственных подразделений. Всего набралось около пятидесяти человек. Получен приказ – утром повторить атаку. Времени на ознакомление с людьми, чтобы понять, кто на что способен, практически не остаётся. Спать и вторую ночь Илье не пришлось.

Опять атака началась с артиллерийской подготовки, после перенесения огня вглубь обороны противника рота по сигналу двинулась вперёд. С обоих флангов шли в атаку другие роты полка. За ночь Илье удалось расставить людей наилучшим образом, однако наступающая цепь была встречена артиллерийским огнём. Бойцы залегли в воронках. Илья приказал Соломкину проползти от воронки к воронке и передать, чтобы легкораненые из боя не выходили и в тыл не отползали, а встречали врага огнём. Он увидел, как немецкие снайперы охотятся за ползущими.

Соломкин был трижды ранен, но приказ передал.

Противник перешёл в контратаку, Илья чувствовал, что сборная команда, не воевавшая вместе, сформированная из тыловиков, может не выдержать. Создалась угроза прорыва боевых порядков роты.

Тогда Илья крикнул, что есть мочи:

– Ребята, будем биться до конца, но врага не пропустим!

Он стал бросать гранаты в наступающих фашистских автоматчиков, а это он умел делать хорошо, взрывы гранат выкашивали солдат противника. Его дружно поддержали бойцы. Немецкая контратака была отбита.

В результате двухдневных боёв двум полкам дивизии удалось продвинуться на два с половиной километра, а полк, в котором была рота Ильи, встретив упорное сопротивление гитлеровцев, не смог прорвать их сильно укреплённой обороны, и остался на прежних позициях.

Командиры рот собрались на командном пункте командира батальона. Пока командир беседовал по телефону, офицеры делились впечатлениями от недавних боёв, вспоминали недобрым словом артиллерию. Илья рассказал, как погибла его рота от огня неподавленных артиллеристами дотов и дзотов.

Присутствующий здесь же старший лейтенант с пушками в петлицах резко возразил ему:

– При чём тут артиллеристы? Мы хоть и «боги войны», но тоже не всеильны. Фашист вгрызся в землю, прикрылся железобетоном, одними снарядами его не выкуришь. Ты же видел, как наши передний край обрабатывали, думали, что никого в живых не осталось. Да не тут-то было, он, гад, живучим оказался. Вам, пехоте тоже надо участвовать в подавлении, да порас-торопней быть, вслед за огненным валом двигаться, пока немец опомниться не успел.

– Тебе легко говорить, – ответил ему Илья, – ты вот разок в прицеле ошибёшься, недолёт сделаешь и своих же накроешь...

– Да ты не бойся, я расписку дам, – усмехнулся артиллерист.

– Иди, ты, знаешь, куда со своей распиской, – в сердцах выругался Илья.

Командир батальона закончил разговор по телефону и постучал пальцем по телефонному аппарату, чтобы прекратить словесную дуэль между пехотой и артиллерией.

– Старший лейтенант прав, нам надо менять тактику боевых действий. Применять манёвры, использовать хитрость и думать, думать. А то мы только и умеем, что прямо в лоб на штурм идти, а потом назад откатываться, теряя людей. Кстати, представляю вам командира батареи Чулкова Николая, его батарея придана нашему батальону. Батарея боевая, двадцать третьего февраля она уничтожила десять дзотов и блиндажей и другие огневые точки, за что и был награждён командир. Вот так надо воевать!

Офицеры, после этих слов уже по-другому смотрели на артиллериста.

Командир батальона развернул карту и начал ставить задачу ротам:

– Илья, твою роту усилим за счёт других подразделений батальона. Задача – завтра с утра сосредоточиться для атаки у роши «Грушевидная». Быть готовым выбить из неё противника. Оборона немцев толком не разведана, вероятно, придётся провести разведку боем, чтобы добыть сведения о наличии огневых точек. В помощь тебе будет батарея Чулкова. Вопросы есть?

Из землянки командира Илья вышел вместе с Чулковым. Дул пронизывающий ветер, колючий снег хлестал в лицо.

– Не торопится нынче весна, – проговорил старший лейтенант. И вдруг хлопнул Илью по плечу. – Не дрейвь «младшой», шуганём немца из роши.

– А я и не дрейфлю.

– Не обижайся, это я так. Откуда родом будешь?

– Витебский я.

– Ну, Витебск ещё молодой паренёк по сравнению с нашим Ярославем. Наш город от Ярослава Мудрого пошёл, сына князя Киевского Владимира. Корням нашим девять с лишним веков уже. Улавливаешь? Девять с половиной столетий минуло, как этот самый Ярослав, который Мудрым был, повелел на Волге град соиздати, и назва его во своё имя Ярославем. Мы даже старше столицы – матушки.

– Между прочим, – вставил Илья, – Витебску-граду тоже десять веков. Так что нос не задирай, а опусти поближе к горизонту.

– Да ну, – удивился Николай, – не может такого быть.

– Факт исторический и сомнению не подлежит.

– Ну, ежели не врёшь, тогда оно, конечно...

Оба рассмеялись и Илья, почувствовав расположение к артиллеристу, со спокойной душой отправился в расположение роты.

Глава пятая

Бой за рощу «Грушевидная»

Ранним утром рота вышла к роще. Она имела форму груши, длиной около двух километров. Рощу окаймлял густой кустарник, но редкие деревья были поломаны снарядами и минами.

Подожёл командир батальона, осмотрел личный состав. Писаря, пожилые повозочные, легко раненные, отказавшиеся идти в медсанбат и группа совсем молодых бойцов. Ничего не сказал. Ещё раз поставил задачу на местности: войти в соприкосновение с противником, нащупать его переднюю линию и занять оборону. Ждать сигнала к наступлению. Слева наступает седьмая рота, справа лыжный батальон. Наступление поддержат артиллеристы Чулкова. Сигнал атаки общий.

Илья собрал командиров взводов, поставил перед каждым задачу. Рота развернулась в цепь и двинулась через рощу, в любую минуту ожидая огня противника. Хотя Илья и выслал разведывательный дозор под командованием Евсея Петрова, но от него пока не было известий и это сильно тревожило.

Но вот впереди послышались выстрелы, бойцы бросились вперёд, роща наполнилась чиркающими по деревьям пулями. Евсей выполнил разведку наилучшим образом, он засёк несколько огневых точек, дзотов и блиндажей из которых велось наблюдение. Илья тоже приглядывал себе для командного пункта оставленный немцами блиндаж.

Бойцы окапывались, лейтенант Полозков выдвинул свой взвод вперёд, но был встречен кинжальным огнём и отошёл на прежние позиции.

В блиндаже Илью встретил Чулков и утешил:

– Орудия поставлены на прямую наводку, ты мне только дай координаты, я фрицев быстро на место поставлю. Илья поручил нескольким бойцам выявлять огневые точки врага.

Первая атака роты захлебнулась, бойцы, едва пробежав десяток метров, были встречены кинжальным огнём. Но удалось обнаружить несколько огневых точек. Орудия батареи Чулкова, выставленные на прямую наводку, открыли огонь, сравнивая дзоты гитлеровцев с землёй. Но, к вечеру командир батальона перебросил батарею на участок седьмой роты, где сложилось тяжёлое положение.

Уже темнело, когда началась контратака гитлеровцев. На позиции роты шло до двух рот противника. Через несколько минут немцы смяли взвод Полозкова на правом фланге. Бойцы, отстреливаясь, начали отступать. Одновременно усилился нажим и на левый флаг. Илья понял замысел противника – охватить роту с двух сторон и вытеснить её из рощи. Что предпринять, как не допустить этого? Силы слишком неравные, резервов нет. Но если не устоит рота, фашисты прорвутся, и окажутся в тылу других батальонов полка. Илья сейчас не думал о том, что он ещё совсем мальчишка девятнадцати лет, что он только замещает командира роты. На его плечи легла огромная ответственность не только за бойцов роты, но и за жизни бойцов других батальонов, куда прорвутся фашисты, если он их пропустит.

Илья связался с командным пунктом батальона, попросил подкрепления. Незнакомый хриплый голос ответил, что людей нет, подкрепления не будет, надо обходиться своими силами.

– Ч-чёрт, – Илья снова крутанул ручку полевого телефона, ему показалось, что там, в батальоне, не понимают, какое катастрофическое положение сложилось на позиции роты.

– Лейтенанта убили! – донеслось снаружи, и в ту же минуту замолчал пулемёт, установленный у входа в блиндаж.

Илья выскочил наружу, за ним связной Гордеев. Пулемётчик лежал навзничь, закрыв лицо руками, сквозь пальцы сочилась кровь, собираясь в лужицу.

На участке взвода лейтенанта Полозкова шла рукопашная.

– Евсей, возьми людей, беги к лейтенанту, – успел крикнуть Илья, увидев, как слева уже достигнув уровня блиндажа, бежала прямо к нему большая группа фашистов. Ещё несколько групп вклинились в оборону роты на правом фланге. Илья метнул гранату в обходивших блиндаж фашистов и лёг за пулемёт. Очередь! Пулемётная трасса в упор вонзилась в гущу подбегавших немецких солдат, рядом прицельно стрелял Гордеев, он тоже обучался снайперскому делу. И хотя оптического прицела у его винтовки не было, после каждого выстрела падал вражеский солдат.

Илья приказал Гордееву связаться с батальоном и доложить обстановку, а сам, расстреляв диск, схватил два запасных и перетащил пулемёт в сторону на пригорок. И вовремя, к прорвавшимся группам вражеских солдат спешило подкрепление. Гордеев выскочил из блиндажа, крикнул, что связи нет, и исчез в кустах.

Пулемётный огонь отсек фашистов, они залегли. Полетели брошенные бойцами гранаты. Пули не могли достать залёгших, но осколки гранат выкашивали их, немногие смогли отползти назад. На правом фланге, куда убежал Евсей, фашисты тоже отступили. Тех гитлеровцев, которым удалось вклиниться в оборону роты, уничтожили прибежавшие на помощь бойцы левофлангового взвода.

Быстро стемнело. Илья только сейчас почувствовал, что на улице холодно, а он мокрый от пота. Перестрелка не прекращалась, видимо противник не мог смириться с мыслью, что контратака не удалась. Выдержим ли мы ещё одну контратаку, терзала Илью мысль, в строю осталось едва половина бойцов.

В блиндаж ввалился Гордеев, чёрное лицо, искусанные в кровь губы, ввалившиеся глаза.

– Как дела, Саша?

– Всё в порядке, товарищ младший лейтенант, устранил три обрыва.

Илья представил какое напряжение пришлось пережить солдату, чтобы проползти под огнём несколько сотен метров.

Пришёл Евсей и рассказал, как погиб командир взвода лейтенант Полозков:

Когда немцы уже ворвались в траншею, а бойцы стали, отстреливаясь отходить, лейтенант подобрал винтовку убитого, поднялся в полный рост и закричал: «За мной, ребята! Не дадим фашистам прорваться!» и повёл взвод в штыковую атаку. Здесь его и достала пуля.

Вот тебе и скромный заикающийся парень, подумал Илья, вспомнив, как Аркадьев воспитывал Александра за мягкое отношение к подчинённым. И сегодняшний случай вспомнил. Вторым взводом командовал старший лейтенант Крутицкий. Он прибыл в роту из запасного полка, где служил с начала войны. Это был его первый бой. По любому поводу и без всякого повода, он уходил из своего взвода в блиндаж, где располагался командный пункт Ильи. При первой же атаке он забился в угол блиндажа, и смотрел испуганно, на лице его был животный страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.